

Солдат никогда не плачет?..

Вспомните детство. Как велико желание на колесе обозрения подняться высоко-высоко, оглядеться вокруг, а потом медленно спуститься вниз и, когда земля вот-вот рядом, словно окунувшись в облако прохлады, вновь устремиться ввысь, на второй круг... Вот так и в жизни.

Все началось с того, что директор колледжа культуры Зинаида Криволапова настойчиво приглашала посмотреть спектакль «Чморик» на малой сцене областного драматического театра, в котором заняты ее студенты. Сколько раз я обещал это сделать и забывал исполнить. И все-таки выбрался. Окунул в советскую эпоху, родную, по которой не очень грущу, но вспоминаю с теплом. Не знаю, почему, но в душе уже с первых минут вдруг стало закипать раздражение: то ли от девчонок, что сидели сзади и хихикали не по делу, то ли от пьесы. Не хотелось видеть, как унижают этого чморика – новобранца, выпорхнувшего из стен консерватории и попавшего на хоздвор космодрома Байконур ухаживать за свиньями. Сержант Хрустяшкин (арт. Сергей Малихов), которому поручили заниматься перевоспитанием рядового Новикова (арт. Роман Лобынцев), словно доктор ставит диагноз: «Мы здесь небо ракетами дырявим, а он в Бога верит. По Уставу не положено». Только не сломался мальчишка, попытался этот солдатик выстоять, противопоставив себя махрово расцветшей дедовщине, и нас, зрителей, предчувствующих жестокую расправу с ним (так и осталось недописанным письмо домой...), заставил сострадать, сопереживать ему, в финале утирающему кулаками слезы. Это уже потом, когда закроется занавес и опустеет зал, актер Роман Лобынцев окажется рядом и на мой вопрос: «Ты плакал по-настоящему?» – совершенно искренне ответит: «Можете потрогать глаза».

Глаза действительно были на мокром месте...

В круговерти жизни, возможно, маховик журналистских будней так бы и перемолол эмоции этого вечера, если бы уже через несколько дней вместе со своими собратьями по Маршу мира я не оказался в городе Пскове. Городе воинской славы. Городе, где три десятка лет назад я впервые надел солдатские сапоги, где неумело закрученные портянки растирали в кровь ноги. Где на погонах красовалась буква «К» – курсант, и ты, завершавший обучение на военной кафедре Высшей комсомольской школы, должен был с головой окунуться в жизнь Советской армии. Маршброски, стрельбы, прыжки с парашютом, работа с личным составом... Несколько месяцев я и мои одноклассники должны были провести в воинских подразделениях ВДВ, осваивая специальность политработника. В итоге – получить погоны лейтенанта. Мне двадцать шесть лет. Парням, что в моем взводе, немногим меньше. Новый человек для них – это как находка – приятно. Кто-то потянулся ко мне. Кто-то спешил поделиться наболевшим. И однажды несколько солдат, выкроив время, уже просили о помощи. «Деды» ломали молодежь. Били, унижали. И эти парни с надеждой смотрели на меня. А что я мог сделать? Заводя разговор о неуставных отношениях с командиром взвода, осознавал, что ничего нового ему не открою. В ответ

слышал: «Это всегда было в армии. И будет. Пусть учатся себя защищать».

Бессилие заставляло страдать. Я ничем не смог помочь солдатам. И, возвращаясь на гражданку, в глазах парней, провожавших меня у КПП, читал разочарование. Немой укор. И с этим грузом живу...

Побывать в родной воздушно-десантной дивизии спустя три десятка лет – подарок судьбы. Рассматривая через окно автобуса Псков, вспоминал своих друзей, казарму, где размещалось с полсотни кроватей. И ночью, просыпаясь, мог слышать, как кто-то во сне считал: «Пятьсот один. Пятьсот два. Пятьсот три. Кольцо...» Взгляните на секундомер, произнесите эти слова и увидите, что они уложатся ровно в три секунды – время, через которое, покинув самолет, ты можешь дергать кольцо парашюта...

...У КПП – памятник шестой роте. Белоснежный купол парашюта, сделанный из бетона. Он опирается на 84 символические свечи, которые по ночам загораются, – столько парней погибло в ночь на 2 марта 2000 года в Аргунском ущелье. Псковские десантники что было сил сдерживали натиск чеченских боевиков, но не смогли устоять. Рота погибла.

Мы стоим под куполом парашюта, на внутренней стороне которого воспроизведены подписи тех, кто ушел в вечность. Сделай шаг назад, и автографы – уже птицы, взлетающие ввысь.

Среди участников Марша мира – десантник Степан Попека. Преклонив колено, он, обращаясь к тем, чьи души на небесах, молит о прощении. Ибо не смогли командиры уберечь мальчишек. Мальчишек, что строим, один за другим, оставляли родную землю, близких. Уходили в небо, не обняв на прощание родную мать, не поцеловав любимую. О них потом сложат песни, и под гитару уже другие десантники будут петь «Уходили они под свинцовые трели, и весенние дни в их глазах леденели».

...Луганск и Донецк. Каждое утро беспокойные сводки с фронтов воюющей Украины. Страны, продолжающей сражаться не с ворогом иноземным. С теми, для кого она – родина. В огненном зареве города и села. Черный дым заволакивает небо. Тысячи беженцев. И восстал брат на брата. Каждодневно гибнут бойцы. И под ружье надо ставить новобранцев. Закладыванный круг. Круг ада. Однажды он разомкнется. И тогда кого-то назовут героем. Кого-то – террористом. Хотя все они – сыны Украины...

Спектакль «Чморик», наверное, куряне больше не увидят. Еще раньше было решено, что идти он будет один год – столько, сколько служат в армии. А вот Роману Лобынцеву еще предстоит переступить порог КПП. Уверен, опыт «армейской службы» в театре ему пригодится. А слезы, настоящие соленые слезы пусть утирает лишь на сцене.

Михаил ИЗОТОВ,
главный редактор журнала

